

19. Доманский В. А. Интеграция в преподавании школьных курсов литературы. // Инновации и традиции в реформируемой школе: Материалы международного научно-практического семинара. Томск, 10-12 апреля. – Томск, 1995. – С. 25.

Б. Н. Пойзнер

О СОЮЗЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК С СИНЕРГЕТИКОЙ

Язык постоянно бормочет, отовсюду несутся речи, всплывают какие-то новые информации, позиции, точки зрения и т. д. <...> Но то, что мы слышим, всё же не есть такая нерасчленёнка, такой "белый шум". Напротив, первое, что слышится — это усилия многих "обрести собственный голос", "сказать что-то своё", "занять собственную позицию". <...> Если остановить эти попытки, то всё остановится.

Борис Гройс. Дневник философа

Тенденция к полидисциплинарным альянсам, характерная для наук конца XX в., делает всё более актуальным использование гуманитариями концептуальных моделей и категорий, которыми оперирует синергетика, или теория самоорганизации (сиречь *nonlinear science*). Синергетика, образно говоря, изучает закономерности переходов типа: "хаос из порядка", "порядок Б из порядка А", "порядок из хаоса". Последний переход обычно называют самоорганизацией, понимая её как процесс формирования в сложной открытой и нелинейной системе эволюционирующих пространственно-временных структур (паттернов, устойчивых форм). Термин "нелинейная система" означает, что на свойства системы влияет интенсивность процессов в ней. Открытость предполагает протекание через систему потока ресурсов: людских, информационных, энергетических, материальных. Сложность оценивается количеством элементов системы и связей между ними, степенью разнообразия её возможных реакций и мерой непредсказуемости поведения системы.

Смена парадигмы в естественных и гуманитарных науках проявляется в ассимиляции и расширении областей приложения синергетических понятий. В их свете не только физическая, но также социальная и ментальная реальность видятся как открытая динамическая система, сложная и нелинейная, благодаря чему в ней возможна самоорганизация (см., например, [1–3]). Если обратиться к периодизации научных парадигм по Ю. В. Чайковскому, то можно заключить, что синергетика составляет ядро системной познавательной модели, отдающей приоритет целостности. Будучи лидером постнеклассической науки, синергетика включает в свою методологию мифологемы и философемы, относящиеся к древнейшим традициям [2, 4], проявляя толерантность ко всему "неслыханному".

Открытость синергетики делает многообещающим союз с ней гуманитариев, разделяющих ницшевский идеал "весёлой науки". Посредники в сближении сторон — семиотика и социальная культурология. В последней оперируют категорией культурного образца — материального или идеального объекта, с которым люди соотнобразуют элементы своего мышления и (или) поведения [5]. Семиотика ("объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе" [6]), в частности, сформировала колоссальный фонд описаний культурных образцов. Перспективность применения синергетических понятий в семиотических исследованиях Ю.М. Лотман

предвидел ещё в середине 1980-х гг.

По нашему мнению, возможности такого применения расширяются, если оперировать понятием субъект, или движитель (driver, как сказал бы англичанин) самоорганизации. Субъектом её оказывается самовоспроизводящаяся единица информации, называемая в генетике репликатором (от лат. *replicare* — отражать). В обществе репликаторами служат юнговские архетипы и культурные образцы, обладающие изменчивостью, испытывающие конкуренцию, подверженные случайному отбору. Слово — главный тип культурного образца. Поэтому оно было “В НАЧАЛЕ” — в начале самоорганизации бытия культуры — зачинщиком, водителем самоорганизации.

Культурные образцы ранжируют по степени их используемости обществом [5]. Можно говорить о повсеместных культурных образцах (например, такова деятельность переводчика), о культурных образцах с частичным распространением и об единичных образцах (скажем, статья, прочитанная лишь её автором). Соревнующиеся культурные образцы претендуют на разрешение определенной проблемы, на удовлетворение некой потребности, возможно, ещё не осознанной сообществом. В реальной обстановке повышение (как и понижение) ранга культурного образца имеет вероятностный характер. Поэтому создание репликаторов неизбежно сопряжено с риском. К судьбам их приложимо наблюдение Ф.А. Хайека: “Большинство шагов в эволюции культуры было сделано индивидами, которые порывали с традиционными правилами и вводили новые формы поведения. Они делали это не потому, что понимали преимущества нового. На самом деле новые формы закреплялись лишь в том случае, если принявшие их группы преуспевали и росли, опережая прочие. Цивилизация оказывается возможной в основном благодаря подчинению врожденных животных инстинктов нерациональным (подчёркнуто Хайеком) обычаям (то есть культурным образцам), в результате чего складываются упорядоченные человеческие группы всё больших размеров” [1]. Ещё раньше Э. Канетти выдвинул формулу “приручение масс в мировых религиях”, напомнив, что традиция последних, “имеющая обязательный характер, учит, как внезапно и быстро распространились они. Истории массовых обращений кажутся чудом, таковы они и на самом деле.” Канетти считает: “Если люди привыкли воспроизводить это чётко отмеренное переживание в своих церквях и храмах, им уже без него не обойтись” [8]. Видимо, такова же социально-психологическая основа устойчивой повторяемости и других видов культурных образцов.

По мере роста сложности и нелинейности открытой системы на её эволюционной траектории могут возникать разветвления, или бифуркации (от лат. *bifurca* — двузубая вилка) [1, 2]. Что это значит?

Вдали от развилки в системе господствует определенный динамический режим, установившийся “порядок”, свидетельствуя об устойчивости системы. Поэтому активность многочисленных единичных и даже групповых репликаторов не влияет на траекторию её движения. Но в точке бифуркации наличие этих “не признанных системой репликаторов” становится принципиально важным. От их активности зависит будущее системы. Репликатор из их числа, доминирующий в момент бифуркации, определяет своим действием, по какой из ветвей после развилки двинется система. Так возникает в ней (если вспомнить афористическое название книги И. Пригожина и И. Стенгера) новый *порядок*, зародившийся “своевременной” активностью ре-

7. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

пликатора (опередившего в точке бифуркации конкурентов, ставшего движителем самоорганизации и обретшего высокий ранг), *из хаоса* действий множества репликаторов, стремящихся установить, — иницируя самоорганизацию, — “свой” порядок в системе.

По-видимому, первыми уяснили роль случайности в отборе репликаторов теоретики авангарда Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, К. С. Малевич, на чьих глазах за какой-нибудь десяток лет прошло несколько актов самоорганизации художественных направлений. В рассуждениях Тынянова о литературной эволюции (продолженных Лотманом в синергетическом ключе) встречается понятие “конструктивный принцип”. Оно, на наш взгляд, обладает всеми свойствами репликатора. Действительно, по Тынянову, конструктивный принцип позволяет организовать литературный материал в новых исторических условиях, причём он “вырисовывается на основе “случайных” результатов и “случайных” выпадов, ошибок”, а затем закрепляется, сменяя старый, уже успевший “автоматизоваться” конструктивный принцип. Здесь Тынянов очень близок к концепции “инновативного обмена” Б. Гройса (1980-е гг.). Возможно, что русская революция подсказала Тынянову механизм смены эстетической парадигмы, буквально воплотив старинную поговорку: “Из грязи — да в князи”.

Малевич, если говорить языком синергетики, представил историю художественных течений в Европе конца XIX — начала XX вв. последовательностью бифуркаций. В его теории функцию репликатора выполняет “прибавочный элемент в живописи”, посредством которого “художник выражает или формирует то или иное ощущение”. Благодаря созданию очередного прибавочного элемента происходит перестройка живописной системы в новую, скажем, сезаннизма в футуризм, футуризма в кубизм и т. д. “Футуризм, — вспоминал Малевич, — больше всего выражался в поведении, в отношении к данному состоянию общества” [9]. Этим свидетельством Малевич раскрывает сущность авангардизма как культурного образца, предвосхищая, например, концепцию М. И. Шапира. По мнению последнего, отличительный признак состоит в том, что для авангардиста “текстом становится поведение — самого автора или его *chef-d’oeuvre’a*” [10].

Чем же отличаются процессы самоорганизации в социокультурной сфере и в физических системах? По-видимому, важное различие — в функциях распределения вероятности событий. Известно, что почти все стационарные распределения, описывающие явления в природных и в технических объектах, имеют вид функции Гаусса (кривая с максимумом). Статистика же общественных феноменов в подавляющем большинстве случаев выражается распределением Ципфа (нисходящая вогнутая кривая). Таково, скажем, распределение числа читателей журналов по совокупности издаваемых журналов: преобладающая доля подписчиков предпочитает весьма малочисленную группу журналов, а на остальной массив изданий приходится малая часть читателей. По данным С. Д. Хайтуна, имеется связь между параметрами эмпирически полученных распределений Ципфа и долей творчества в составе деятельности (как индивида, так и сообщества), характеризуемой этим распределением.

Последний факт означает возможность количественной оценки и различения двух процессов: формирования (“изобретения”) культурных образцов и их рутинного воспроизводства. В свете этой возможности социолингвистам было бы перспективно обратиться к языковой личности, поддерживающей ту или иную степень нормативности речи. Тем более, что одна из методологических программ в русистике

предусматривает исследования свойств языковой способности носителя языка и её эволюции [11]. Кроме того, можно предположить, что использование категории субъекта самоорганизации способствовало бы углублению лингвистико-биологической аналогии, установленной Б. М. Медниковым.

Прецедент, созданный работой И. А. Евина [12], убеждает в продуктивности перевода искусствоведческого анализа на язык теории самоорганизации. Универсальность синергетического подхода делает его, например, новым средством интерпретации построения пафосной композиции произведения и понимания закономерностей изменения читательского или зрительского восприятия. Недавно вышел в свет увлекательно написанный труд Е. Л. Курганова, объясняющий, как “в неумирающем феномене анекдота” проявляются его структурные особенности, издавна определяющие производимый им эстетический эффект [13]. Курганова дополняет В. И. Тюпа, подчёркивая, что “анекдотическим повествованием творится *окказиональная картина мира*” [14]. Думается, что предложенный Евиным подход к моделированию художественного текста (как динамической системы со сложными типами поведения) найдёт плодотворное применение для анализа принципа действия анекдота — “явления архаического и одновременно живого” [13].

От анекдота уместно перейти к механизмам тривиализации художественной культуры. “Клише становится полноправным элементом творчества, <...> и оказывает вполне творческое воздействие — то есть волнует”, — защищает штамп в искусстве критик Петр Вайль. Социо-культурные технологии, ориентирующие человека на познание исключительно с помощью клише, исследованы недостаточно, хотя их власть способна стать тотальной по мере сгущения всемирных компьютерных сетей. Так, не вполне ясны закономерности встраивания репликаторов типа клише в структуру кича. Выявление их может пролить свет на природу “дурного” вкуса, на условия самоорганизации его, на рецептивно-эстетические инварианты художественной банальности, на пути воспитания индивидуального вкуса etc.

Ограничив этим агитацию за гуманитарно-синергетический союз, повторим наш призыв [15]: всем полидисциплинарным миром изучать *Русский Хаос!* Понимание фундаментальности этой темы проявляют пионерские работы [16, 17]. Наш аргумент здесь прост: вблизи точки бифуркации обостряется комплекс Сатурна в русском общественном сознании. О нём сделано немало глубоких суждений. Но в контексте разговора о синергетике, то есть о возможностях роста структур и риске утраты структурности, уместнее всего процитировать Татьяну Горичеву, констатирующую, что в России, где слаба форма культуры, поглощенность “материнским чревом” можно описать как поглощенность громадным и бесконечно засасывающим пространством. “Борьба с бесформенностью материнского чрева вылилась в острый интерес у русских к проблемам культуры. Культура — это чрево, обретшее форму” [18]. Выход нашего журнала — признак такого интереса, но, возможно, и — смутного страха перед репликаторами бесформенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Weidlich W. Physics and social science - approach of synergetics // Physics Reports, 1991, V. 204. № 1. — P. 1–163.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип и синергетика // Вопросы философии, 1997. № 3. — С. 48–61.
3. Николис Дж. Хаотическая динамика лингвистических процессов и образование паттернов в поведении человека // Вопросы философии. 1997. №

3. – С. 85–89.

4. Пойзнер Б. Н. Хаос, порядок, время в древних картинах мира // Изв. вузов - Прикладная нелинейная динамика. 1993. Т. 1. № 3-4. – С. – 97–109.

5. Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – Новосибирск: Изд-во НГУ. 1992. – 215 с.

6. Иванов Вяч. Вс. Вступительная статья к сборнику "Симпозиум по структурному изучению знаковых систем" // Из работ московского семиотического круга. – М.: Языки русской культуры. 1997. – С. 3–7.

7. Хайек Ф. А. Общество свободных. – Лондон: OPI, 1990. – 309 с.

8. Канетти Э. Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997. – 527 с.

9. Харджиев Н. И. Последняя глава неоконченной автобиографии Малевича // Russian Literature 1996. Vol. 39. № 3. – Р. 303–327.

10. Шапир М. И. Эротический опыт XX века: авангард и постмодернизм // Philologica, 1995. № 3-4. – С. 135–143.

11. Караулов Ю. Н. Русистика в России: основные направления и состояние исследований // Russian Linguistics, 1996. Vol. 20. – Р. 89–103.

12. Евин И. А. Синергетика искусства. – М, 1993. – 171 с.

13. Курганов Е. Л. Анекдот как жанр. – СПб.: Академический проект. 1997. – 123 с.

14. Тюпа В. И. Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс, 1997. № 3-4. – С. 106–108.

15. Пойзнер Б.Н. Бытие становления как объект познания // Изв. вузов -Прикладная нелинейная динамика, 1994. Т. 2. № 3-4. – С. 100-110.

16. Мазилкина И. Порядок хаоса в прозе Л. Добычина // Добычин Л. Воспоминания, статьи, письма. – СПб.: Журнал "Звезда", 1996. – С. 83–88.

17. Венцлова Т. К демонологии русского символизма // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Статьи о русской литературе. – Vilnius: Baltos Lankos, 1997. – С. 48–81.

18. Горичева Т. М. Сиротство в русской культуре // Горичева Т. М. Христианство и современный мир. – СПб.: Алетейя, 1996. – С. 128–155.